

С.В. Зверев.

Подлинный масонский заговор. Ответ В.Ж. Цветкову.

В.Ж. Цветков: *«Идите в архивы. Берите отпуск и приезжайте в Москву летом, в ГА РФ и в РГБ».*

На самом деле я давно подумываю приехать и когда-нибудь собираюсь это сделать. Но для этого нужна серьёзная мотивация. Довод: приехать в архивы, просто дабы мне перестали указывать, что я не работал в архивах – как-то не вдохновляет.

Если бы у меня остались серьёзные неразрешённые вопросы по Краснову, я бы обязательно приехал. Но в целом я обошёлся поездкой в РНБ за книгами, которые решительно нигде не удавалось достать, которые закрыли долго висевшие важные проблемы.

Работа по Краснову и без того получилась слишком объёмной, чтобы была очень уж нужна разработка архивов в Москве или Джорданвилле, я не против, если их разберёт кто-то другой и дополнит мою работу по открытым источникам – другими архивными данными. До сбора всех доступных данных и при способности обойтись одними ими в самом существенном, я считаю попросту лишним идти в архивы. Надо уважать работу исследователей, публикаторов, надо осваивать печатные массивы, а не, лишь бы сослаться на архивы, не замечая труды других историков, шпарить архивными ссылками.

А.А. Смирнов с архивом ФСБ написал о Краснове сплошной вздор, не работая с книгами. В диссертации по Краснову А.К. Тучапский узнал по архивам гимназические отметки Краснова, но в исторически важных вопросах ничего не решил и где-то даже напутал, не изучая всем доступную литературу. О.А. Платонов с ОА КГБ написал годы вздора о масонах. П.В. Мультиатули делает десятки архивных ссылок на тексты, опубликованные десятилетия назад и никаких разночтений не обнаруживается, а его анализ архивных данных прискорбно слабый. В.Ж. Цветков... а об этом потом.

Что же до меня, то по одному только Краснову я вижу неисчерпаемые массивы газет, журналов и книг, которые требуют освоения. И самое интересное: если переписка Краснова из архивов опубликована частично и за 20-е, и за 30-е, и за 40-е (что меня в принципе удовлетворяет для сопоставления с умонастроением Краснова, изложенным в книгах и статьях) и будет наверняка разрабатываться дальше, то массу уже изданного, по-видимому, никто не собирается изучать, отыскивать. Наблюдаемое помешательство на введении в научный оборот в ущерб самому обороту мне кажется зашкаливающе опасным.

Например, в связи с П.Н. Красновым я считаю очень важным сюжет, разработанный в моей предпоследней статье «Всеволод Кочетов. Атака на монархистов». Романы Кочетова дают представление о посмертном влиянии личности Краснова и его произведений, изучение сего заслуживает внимания и требует значительных и стоящих усилий на изучение. И таких направлений, нуждающихся в разработке по открытым источникам, масса.

Или: сейчас я готовлю дополнительную статью по проблеме выдачи Краснова в СССР (многое остаётся спорным). Для проверки своих предположений мне нужно ознакомиться с английскими данными по роли британской стороны (источники в СССР тоже важны, но не достаточны). Есть неосвоенная английская литература, которую надо переводить и обрабатывать. Это тоже представляется очень важным, а никто этим не занимается.

Доселе не освоенные опубликованные данные по сравнению архивными неопубликованными кажутся мне равноценными.

Вот когда основное издание по Краснову будет завершено и я (не бросая постепенно заниматься генералом) перейду к запланированной новой и, вероятно, более сложной теме, с весьма долговременным исследовательским планом, в результате, как мне представляется, надо будет заткнуть оставшиеся дыры архивными данными. Вот как пока обстоит дело с моими занятиями. Конечно, я ничего не имею против поездки в Москву в любое время, но нужен мотив, который бы заставил всё оставить и поехать. Такого сильного и определённого мотива пока нет.

Быть может, В.Ж. Цветков имеет в виду занятия в архивах по вопросу о заговоре и перевороте 1917? Тогда прежде надо точно выяснить, какие именно проблемы требуют разрешения. А для этого, прежде всего, нужно полноценное ознакомление с опубликованными данными. На данный момент я не вижу ничего отличающегося от изложенной ситуации с работой по генералу Краснову.

Дабы убедиться в этом, следует разобрать труд В.Ж. Цветкова «Генерал Алексеев» в сравнении с тем, что написано у меня в «Генерале Краснове».

Работа В.Ж. Цветкова заслуживала бы отдельной рецензии, но будет уместно дать отзыв в рамках обсуждения по теме «А. Мильнер, М. Алексеев, масоны и студенты». Исследование Василия Жановича с привлечением тех самых рекомендуемых архивов может считаться образцом того, какие ошибки совершают историки при недостаточной работе с общедоступными публикациями.

Книга «Генерал Алексеев» страдает тем же односторонним подбором данных и недостаточным их анализом, как биографическая статья в «Вопросах истории» и последние комментарии к моей истории переворота.

Удовлетворительно отражена односторонность и недостаточная критичность подхода к опровержению связи Алексеева с заговором в таком перечне:

«Вы мне пишите про Милюкова, с которым Алексеев имел "шапочные" контакты, Гучкова, которого он весьма низко оценивал, Лемке, которому что-то там "казалось", Ллойд-Джорджа, который был за "тридевять земель" от Ставки и отнюдь не первостепенных сотрудников спецслужб, посылавших для оправдания в получении зарплаты отчеты в свои центры (хотя о том, что произошло в России знали и без их донесений, хотя бы из прессы). А я Вам укажу на непосредственных сотрудников генерала - рукопись Сергеевского, воспоминания Борисова, Пронина, Бубнова, Гурко, Ненюкова, Свечина, о Георгия Шавельского и многих, многих других. Самого Государя, в конце концов» (В.Ж. Цветков).

Из них М.А. Свечин действительно имел шапочное знакомство и его *«я лично поверить не могу»* – действительно кажущееся за тридевять земель. А.Д. Бубнов не имел отношения к заговору, насколько это известно, следовательно, он не мог опровергнуть участие в нём Алексеева. Но Бубнов не очень стремился к такому опровержению, оставив со своей стороны подозрение в адрес Алексеева по его переговорам с Гурко: *«о чём они говорили с глазу на глаз при передаче должности, останется навсегда тайной»*, но в Ставке заговорили о том, что после этого разговора Гурко собирается совершить *«насильственное действие над личностью царя»*, *«надежды, возлагавшиеся на него в Ставке, ни в малейшей степени не оправдались»* [А.Д. Бубнов «В царской ставке» М.: Вече, 2008, с.212].

В своей книге «Генерал Алексеев» В.Ж. Цветков полностью проигнорировал эти данные, а теперь выставляет Бубнова свидетелем со стороны защиты, хотя непредвзятый подход к этой странице покажет: несмотря на то, что Бубнов не испытывает полного доверия к слухам о разговоре Алексеева в данном направлении, но Бубнов не исключает такой вероятности, а с фактической, безусловной стороны, он признаёт существование в Ставке настроений в пользу заговора, который привёл бы к насильственному устранению Государя.

Подтверждение проникновения заговора в Ставку, не касаясь персоны М.В. Алексеева, даёт В.М. Пронин из списка В.Ж. Цветкова, о чём опять-таки нет ни слова в книге «Генерал Алексеев». В «Последних днях» (1929) Пронин признаёт, что до Ставки доходили слухи о подготовке дворцового переворота. В письме к С.П. Мельгунову, помещённом в книге «На путях» (1931) Пронин сделал более наглое признание: *«к возможности переворота*

относились спокойно». Сопоставление признаний Пронина с сообщением Бубнова о том, что в Ставке надеялись на *«насильственное действие»* наводит на серьёзные выводы о готовности Ставки оказать поддержку перевороту, лишь бы его кто-то совершил.

Но Василий Гурко, который не верил в легенду о Распутине, в миф о сепаратном мире, в ложь про Царицу, Гурко, который предельно высоко и по достоинству адекватно оценивал выдающуюся деятельность и достижения Императорского правительства, сделавшего возможной приближающуюся победу, разочаровал сторонников заговора. При нём свержение Государя было невозможно.

Поэтому намеренные «провокации» 23 февраля, как называл Хабалов скупку хлеба и студенческий «балет», были (как явствует из логики заговора и показаний Малейси) приурочены англичанами к возвращению М.В. Алексеева и уходу В.И. Гурко. О том, что британское руководство знало о готовности Алексеева поддержать заговор по устранению Государя, мы точно знаем из декабрьской телеграммы Локкарта.

Василий Гурко в силу своего шапочного знакомства не может служить серьёзным свидетелем в пользу Алексеева. Единственное, что можно отметить: в книге «Война и революция» он не оставил сведений о разговорах с Алексеевым, которые бы подтвердили предположение Бубнова о том, что Алексеев мог излагать Гурко заговорщические преступные планы. В силу своих горячих монархических чувств Гурко не мог принимать участия в заговоре, следовательно, он не мог и знать о действительной роли Алексеева (впрочем, никак её и не опровергая).

Итак, лица из перечня В.Ж. Цветкова постепенно переходят из его стана в лагерь противника или берут нейтралитет.

Далее о. Г. Шавельский. Этот, в отличие от Гурко, поверил в ложь о планах сепаратного мира с первых же месяцев войны. Он же был в курсе заговора Великого Князя Николая Николаевича и В.Н. Орлова: *«великий князь теперь ненавидел и Императрицу. – В ней всё зло. Посадить бы ее в монастырь, и всё пошло бы по иному»*. Помешанный на сумасбродных мифах о Распутине о. Шавельский никем не был вовлекаем в планы дворцового переворота, т.к. не мог быть в нём полезным. Тем не менее, протопресвитер даёт окружающий фон настроений, подтверждающий данные Бубнова и Пронина о настроении Ставки в пользу заговора. *«Диктаторство царицы никому не улыбалось»*. *«Чего едет? Сидел бы лучше там!»*, – говорили некие *«старшие»* чины Ставки перед 23 февраля. 25 февраля о. Шавельский покинул Ставку и ничего о дальнейшем сказать не может.

Этого перечня должно хватать для удостоверения существования готовности Ставки поддержать заговор. О большем эти лица не могут рассказать, ничего сверх того не зная.

Поэтому дальше надо перейти к тем персонам, которые, будучи причастны к заговору, знали о нём правду. От показаний этих лиц в значительной степени зависит удостоверение того, каким был процесс вовлечения Алексеева в заговор, в чём конкретно заговор заключался и как именно в нём действовал Алексеев.

Возьмём для примера, как В.Ж. Цветков оспаривает существование заговора, рассматривая взаимоотношения между Алексеевым и Гучковым. В книге «Генерал Алексеев» при цитировании В.Ж. Цветков изымает начало письма Гучкова, которое звучит: *«я уже сообщал вам в последнем моём письме»*. И затем характеризует письмо как содержащее *«эмоциональные предположения»* – у *«единственного, причём безответного письма»* (с.171). Насколько безответственно В.Ж. Цветков подошёл к выбору выражений видно сразу: писем как минимум было два. Поправляет историка только А.И. Гучков, рассказывая: *«одно из таких писем»* (с.176). Выражение «таких» подразумевает, что их было точно больше двух, как и подозревала Царица.

Письмо содержало запугивающие клеветнические утверждения, а не предположения. Основная часть содержала доказательства с определёнными цифрами, убеждающими, будто правительство Б.В. Штюрмера предательски отказалось вывести армию *«из винтовочного и патронного кризиса»*, отклонив английские предложения на поставки в Россию. В действительности этот отказ доказывал уровень эффективной работы правительства, которое решило этот кризис силами отечественной промышленности и не желало переплачивать иностранцам. Гучков выступил лоббистом интересов английской промышленности в ущерб русской, и на основании своих опасных для экономического благополучия страны доводов обвинял Штюрмера, Трепова, Шаховского и других достойных министров, в т.ч. генерала Беляева – будущего военного министра. М.В. Алексеев, как видно из писем Царицы, к тому времени уже был заморожен клеветой на правительство – причём нельзя точно установить, что причиной этому была дезинформация Гучкова. Нет, письма Гучкова были лишь частью планомерной дискредитации правительства, которой поддался Алексеев, будучи в силу своей специализации в значительной степени некомпетентен в том, в чём отлично разбиралось правительство. Как любил говорить А. Хитлер: мои генералы ничего не понимают в экономике.

Теперь по безответности письма. Не ошибся ли В.Ж. Цветков и в этом слове? Гучков отрицал наличие ответов, но кто говорил, что они были? Единственным, чьи сведения приводит В.Ж. Цветков, был В.А. Оболенский (1955). Несостоятельность вымыслов Оболенского несомненна. Её должен

понимать любой автор, который выясняет реальные черты заговора. И так получается, что В.Ж. Цветков оказывается в состоянии опровергать только те данные о заговоре, которые являются недостоверными. Более вероятные данные он чаще всего игнорирует.

Кто ещё говорил об ответах Алексеева? Это делал министр внутренних дел Протопопов, лицо куда более осведомлённое, чем Оболенский. И не в 1955-м, а в 1917-м в собственноручной записке для ЧСК: *«по поводу писем Алексеева к Гучкову и его ответов. Эти факты (письма Алексеева) были известны царю из другого неизвестного мне источника»*. А у Лемке есть запись о письмах Алексеева Гучкову за 18 января 1916 г.

В отношении вовлечённости Алексеева в заговор письма Гучкова отнюдь не являются главным доказательством, едва ли ими смогли бы стать ответы Алексеева, будь они обнаружены, т.к. ничего компрометирующего для обоих на бумагу занесено быть не могло. Однако пример с установлением числа писем, их характеристики и наличия ответов показывает незаинтересованность или малую инициативность В.Ж. Цветкова в точном установлении данных, теоретически способных бросить хоть какую-то тень на его героя: удобно расправиться с Оболенским, значит лучше ограничиться им одним.

Какие уж тут архивы, если В.Ж. Цветков тут не подключает самые распространённые среди историков источники, как записи Лемке и тома «Падения царского режима». Можно было бы обратить внимание на запись Ф.А. Гайды, что письма (во множественном числе) Гучкова Алексееву хранятся в фонде П.Н. Милюкова. Казалось бы, биограф Алексеева мог заинтересоваться столь редким и важным материалом, как другие письма, помимо единственного давно опубликованного, их числом и содержанием. Но нет.

Для меня же не столь уж существенно, что там писал Гучков Алексееву ещё и были вообще ответы, т.к. основные связи Алексеева с заговором осуществлялись не через Гучкова. По причине чего надо заметить: массовое цитирование Гучкова, который доказывает непричастность Алексеева к перевороту, ровно ничего не может опровергнуть. В связи с чем я спешу одобрить доказательства В.Ж. Цветкова об отсутствии близости Алексеева с Гучковым. Но историк зря не заметил элементарных логических последствий: раз Гучков не был близок к Алексееву, то в эмиграции он попросту не мог опровергнуть его причастность к заговору.

Это можно считать ещё одним примером борьбы В.Ж. Цветкова с удобными для опровержения представлениями, при нежелании устанавливать формы реального заговора, нежелании замечать у себя противоречия и односторонний подход.

В.Ж. Цветков использовал в качестве опровержения моих данных шапочность контактов Милюкова с Алексеевым. В недоумении протираю глаза.

Смотрим у Б.И. Николаевского взятое у Милюкова интервью: *«Кн. Львов [!] рассказывал Милюкову, что вёл переговоры с Алексеевым осенью 1916 г. У Алексеева [!] был план ареста царицы в ставке и заточения. План был совершенно не продуман; что делать в случае сопротивления царя, никто не знал. Он не был осуществлён, т.к. Алексеев захворал и принужден был уехать в Крым – тогда ходили слухи, что Николай узнал [!] и Алексеева пытались отравить».*

В книге «Генерал Алексеев» В.Ж. Цветков проигнорировал интервью, которое делает бесполезными все ссылки на Гучкова. Следовательно, Василий Цветков даже близко не коснулся реального заговора.

Источник Милюкова – Г.Е. Львов. Отсутствие у Милюкова связи с Алексеевым не может служить опровержением, т.к. Львов в качестве главы земского союза имел с Алексеевым регулярный контакт (и с Милюковым, если что). И В.Ж. Цветков никогда не сможет доказать, что Алексеев имел с Г.Е. Львовым «шапочные контакты», что они находились в разных странах, или что Алексеев не испытывал к нему уважения.

Действительно ли Львов, а не Гучков, вовлёл Алексеева в заговор?

Независимое подтверждение этому дал в другом интервью масон А.Я. Гальперн в августе 1928 г.: *«Помню разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений – о переговорах Г.Е. Львова с генералом Алексеевым в ставке относительно ареста царя».*

Связь Некрасова с Львовым отражена в донесении Куманина от 12 января 1917 г. о пребывании Некрасова в Москве в дни 5-8 января: *«завтракал у Коновалова и обедал у кн. Львова – и в обоих случаях вышли как бы маленькие “совещания”».* Особого значения этим совещаниям правительство не придавало, а Некрасов потом делал доклады об аресте Царя для масонского Верховного Совета ВВНР.

Масон А.Ф. Керенский: *«Вызревал другой заговор, осуществление которого было намечено провести в Ставке царя 15-16 ноября. Его разработали князь Львов и генерал Алексеев».*

И ещё: Локкарт, как явствует из его мемуаров, втёрся в самые близкие отношения с Челноковым (который тоже встречался с Алексеевым). Именно Челноков распространил письмо Гучкова Алексееву. Как одинаково считали

Г. Катков и В. Старцев, это было сделано, чтобы подтолкнуть Алексеева в пользу заговора, пошатнув его позиции в глазах Царя – столкнув их между собой (Н.А. Базили: «Алексеев карьеру любил»). Одновременно эта публикация компрометировала одного Гучкова, наводя на него ложный след, выставляя Гучкова главным заговорщиком.

В результате именно за Гучковым вело пристальную слежку не только охранное отделение, приставив к нему студента (!), но и личные агенты тайной осведомительной службы Императрицы Александры Фёдоровны из окружения Г.Е. Распутина: сам зять Григория Ефимовича прапорщик 2-го пулемётного полка Борис Соловьёв прицепился к Гучкову под видом участника заговора и проник в военную комиссию ВКГД. Позднее, в эмиграции, Б.Н. Соловьёв будет работать на полицию в Германии по своей специализации осведомителя. Убеждённый монархист, участник Рейхенгальского съезда, он был оклеветан также, как и Григорий Распутин, из-за вздорных антинемецких легенд.

Но публикация письма Гучкова была эффектным приёмом увода следа от настоящего заговора. Не только правительство в результате не узнало про настоящий – масонский центр заговора, но и В.Ж. Цветков в 2014 г. оказался по-прежнему под действием этой филигранной дезинформационной операции.

Донесение Локкарта за 21 декабря 1916 г. окончательно подтверждает сведения Милюкова, Гальперна, Керенского о том, что отнюдь не Гучков, а Львов успешно вовлёл Алексеева в заговор.

При всём желании назвать Локкарта не первостепенным сотрудником спецслужб невозможно: первое некуда. И он находился в непосредственной связи с настоящим заговором через Челнокова и Львова.

Итак. Самую важную тайну готовности Алексеева участвовать в свержении Императора знало от Локкарта (через Львова) британское руководство, в связи с чем Ллойд Джордж и сообщил об этом в мемуарах, т.к. знал о вовлечении Алексеева в заговор ещё в 1916 г.

Но была вторая сила, которая собиралась использовать согласие Алексеева на арест Царя в своих интересах – это масонская организация. Она тоже знала о вовлечении Алексеева в заговор через Львова. Гальперн указывает, что именно Некрасов специализировался на планах ареста Царя.

Достоверна ли роль Некрасова? Именно Некрасов, как он рассказывал на следствии в СССР, устроил погоню за поездом Государя, пытаясь его арестовать. Для довеска пригодятся сведения Гучкова о том, чем занимался Некрасов: *«приехал Некрасов, который никогда не бывал у меня»*. *«Он*

пришёл к той же точке зрения» «о неизбежности насильственного переворота» [«Вопросы истории», 1991, №7-8, с.205].

Итак, Гучков полностью подтверждает, что именно Некрасов независимо от Гучкова занимался планом дворцового переворота, Некрасов инициировал обсуждения и планы с участием Гучкова. Но из текста Гучкова неизбежно следует, что Некрасов скрыл известное ему о вовлечении в заговор Алексеева. Это был козырь, который масонская организация никому выдавать не собиралась.

В результате посещения масоном Некрасовым Гучкова, только потому, что Некрасов подбил Гучкова на этот заговор, с приставленным по поручению Некрасова Терещенко Гучков стал планировать организацию ареста Царя.

Проверка по интервью П.Н. Милюкова проходит: *«в заговор Крымова-Терещенко-Гучкова Милюков совершенно не был посвящён»*. Т.е. Милюков прямо различает два центра заговора: Г.Е. Львова с М.В. Алексеевым отдельно и Терещенко-Гучкова совершенно отдельно. О том, что именно масон Некрасов курировал оба центра заговора, Милюков не знал, но это уже доказали другие – масоны (Милюков-то масоном не был).

В «Истории» революции Милюков, демонстративно различив заговор Терещенко-Крымова от заговора *«земских и городских деятелей»* (Львов и Челноков), не раскрыл имена, открыто назвав Г.Е. Львова только в «России на переломе» (1927) после его смерти в 1925 г. Едва только состоялись похороны Львова, как газета Керенского «Дни» 12 марта 1925 г. сочла нужным раскрыть заговор Львова с Алексеевым, подобно тому, как Терещенко раскрыл участие Крымова в заговоре сразу, как он застрелился.

Может возникнуть вопрос, почему Некрасов прямо не рассказал НКВД про заговор Львова-Алексеева, обмолвившись только о группе вокруг Гучкова. Но само поведение Некрасова после крушения Временного правительства показывает, что бывший глава масонского заговора, потерпев безоговорочное политическое поражение, подался во внутреннюю эмиграцию и сменил фамилию, не собираясь никому вообще ничего рассказывать о себе, а особенно о том, как он подготовил падение Самодержавия.

Ещё одна проверка. Масон Н.Д. Соколов в эмиграции рассказывал: *«из кругов, близких к Некрасову, ему в начале 1917 г. сообщили, что готовится арест царя с вынуждением в пользу Михаила, что руководят Гучков и Терещенко»*.

Т.е. профессор Некрасов курировал заговорщическую группу Гучкова. Но мы-то уже знаем, что та группа заговора, которая знала о реальном

вовлечении в переворот Алексеева через Львова, она-то, скрывая от Гучкова про Алексеева, намеренно скомпрометировала Гучкова, размножив его письмо к Алексееву. После чего Некрасов надоумил Гучкова заняться дворцовым переворотом.

В.Ж. Цветков, впрочем, как и все, кто так или иначе писали о разрозненных неудачных заговорах, ничего не поняли в том, в чём заключался смысл разделения заговоров и какова была настоящая роль Гучкова. Масоны блистательно, во всём интеллектуальном великолепии замысла подставляли Гучкова, дабы правительство считало, что знает о заговоре всё и не беспокоилось насчёт настоящих масонских планов.

Устроив провокационное распространение письма Гучкова к Алексееву (чего Гучков решительно не хотел), те, кто стоял за Челноковым – составили для М.В. Алексеева алиби, которым простодушно пользуется В.Ж. Цветков. Это алиби не дало правительству раскрыть настоящий заговор и реабилитировало Алексеева в глазах Совета Министров и Государя.

А.И. Гучков не знал, кто именно стоял за Челноковым, поэтому нельзя точно сказать, кто провернул операцию, обеспечившую реальной подготовке переворота надёжное прикрытие: масонский заговор Некрасова или британский заговор через Локкарта. Во всяком случае, инициатива Некрасова по организации прикрытия с помощью подталкивания Гучкова, говорит, что он как минимум воспользовался подарком Челнокова, если не стоял за ним прямо.

Поскольку слежка за заговором Гучкова убедила правительство в невинности Алексеева в измене (хотя его подозревали Б.В. Штюрмер, А.Д. Протопопов, В.Н. Шаховский и, о чём говорят воспоминания Мартынова и Васильева, Охранные отделения и Департамент полиции) и в том, что заговор Гучкова не опасен, переворот с участием Алексеева смог быть осуществлён.

Кстати, можно не списывать со счетов рассказ Мартынова так раз потому, что им перехвачены письма в Москве: про участие Алексеева в заговоре знали Львов, Челноков, Локкарт именно в Москве. За ними тоже на всякий случай следили жандармы, но сильно опасного от них никто не ждал, т.к. военными заговорами, как всем раструбили, занимался Гучков в Петрограде. Есть закономерность, что Глобачёв, который считал Алексеева республиканцем и писал о разработке Гучковым связей с командующими фронтами, всё же не вышел на связи Алексеева с заговором в Петрограде, а Мартынов – смог.

«Письмо – без подписи – по своему содержанию было совершенно исключительным. Оно вызвало во мне одновременно тревогу и решение

обследовать его лично, установив предварительно контакт с директором Департамента полиции» А.Т. Васильевым. Содержание А.П. Мартынов сообщил московскому градоначальнику: «Казалось бы, что российское императорское правительство уже по одним этим фактам могло и должно было быть в полном курсе заговора. Но Великий князь «промолчал», а Департамент полиции, по-видимому, не смог довести до сведения Государя об измене «Старика», который был не кем иным, как начальником штаба самого Императора, генералом Алексеевым!». Следовательно, и воспоминания А.Т. Васильева об этих письмах заслуживают одинакового доверия. Но полковник Мартынов не знал, почему правительство не поверило его докладу. Министры считали интерпретацию неподписанных писем ошибочной, т.к. в этом их убедило наблюдение за заговором Гучкова, с которым, как уверили масонские провокаторы, связано имя Алексеева.

Участие Алексеева в заговоре надо рассматривать в двух планах. Масоны хотели использовать его для дворцового переворота и арестовать Царя, поставив своё правительство. Мильнер хотел, чтобы Алексеев не дал Императору подавить подготовленное им восстание – тоже через арест. Но представления Алексеева о целях ареста ограничивались необходимостью самого ареста и доверием к будущему правительству Львова.

В.Ж. Цветков мне пишет: «Вы мне так и не ответили в чём конкретно состоял заговор, в котором участвовал генерал Алексеев и что конкретно генерал Алексеев должен был делать (душить Государя подушкой, бить бейсбольной битой по голове или подсыпать яду в бокал Императрице когда она придет в Ставку)».

Как мы уже выяснили, круг лиц, знавших о согласии Алексеева на арест Царя, старались держать узким: знали ключевые фигуры масонского и британского заговора. Источников, по логике, немного, но они способны всё просветить.

Гальперн передаёт доклады Некрасова, что Львов договаривался с Алексеевым об аресте Царя. Гальперн, Керенский и Милюков сходятся в одном: при всём желании ареста, Алексеев и Львов сильно затруднялись, как именно это сделать.

Душить или бить Алексеев не мог по ряду причин: он был слаб после болезни и не мог справиться с атлетом – Царём, а окружение Императора при столь неприкрытой измене запросто пришибло бы изменника. И третье: арест был нужен с оставлением узника в живых, т.к. заговору было нужно легитимизировать переворот в глазах народа, облечь его авторитетом Монарха. Следовательно, надо было заставить арестованного легально передать Корону и назначить новое правительство – собственно, так всё и будет.

Перейдём к перечню доказательств того, что именно в соответствии с существовавшей договорённостью с Г.Е. Львовым М.В. Алексеев принимал определённые шаги, что эти действия реальны и что соответствовали целям заговора.

Для осуществления ареста Алексеев нуждался в помощниках. В принципе, состав Ставки уже включал в себя достаточное число лиц, психологически готовых участвовать в аресте – как выясняется по воспоминаниям подсказанных мне В.Ж. Цветковым лиц.

Однако при проверке источников можно указать минимум на двух основных приближённых М.В. Алексеева, которые не просто исполняли желание начальника штаба и не просто потворствовали совершающемуся со стороны свержению Императора. Эти двое определённо знали о том, что М.В. Алексеев в силу своего участия в заговоре намерен арестовать Императора и тем самым обеспечить возникновение нового правительства.

Эти двое из ближайшего окружения Алексеева не названы В.Ж. Цветковым в числе тех «непосредственных сотрудников» генерала, которые будто бы опровергают реальность заговора. Что ж, В.Ж. Цветков не ошибся хоть в том, чего он не написал.

Речь идёт об Н.А. Базили и А.С. Лукомском.

Вернёмся к одному из основных источников о связи Алексеева с Львовым и об их планах. В интервью П.Н. Милюков говорил: арест Царя *«не был осуществлён, т.к. Алексеев захворал и принужден был уехать в Крым – тогда ходили слухи, что Николай узнал [!] и Алексеева пытались отравить»*.

Сведения, исходящие от Милюкова о заговоре самые точные, т.к. заговорщическая связь Львова и Алексеева реально существовала. В этом можно убедиться, проверив прибавочную часть об отравлении Алексеева.

В.Ж. Цветков, как можно заметить, в своей книге «Генерал Алексеев» использует ровно те данные, которые я не беру в «Генерале Краснове», и наоборот. Редкое исключение – выборочный анализ записей Лемке. Но, если честно, трудно назвать анализом комментарии: *«дальше подозрений, собственных предположений автор не идёт»*, – сопровождающие сравнения Лемке с очередной писаниной Гучкова.

Не сравнивая записи Лемке со свидетельствами о подлинном заговоре, В.Ж. Цветков проигнорировал самые важные записи о встречах Алексеева со Львовым и Челноковым (о вовлечении в заговор Алексеева, которое они осуществили, они-то и знали, а не Гучков). Датировка записей Лемке, надо

сказать, подтверждается при сравнении с дневниками Тихомирова и Мельгунова. Согласно записям Лемке и дневнику Мельгунова, Львов и Алексеев вели разговоры наедине, причём Алексеев был совершенно очарован личностью Львова и называл его единственным, кто достоин править страной.

Естественно, при том сознательном преклонении перед раздуваемой всей либеральной прессой значением личности ни на что не способного без правительственных субсидий толстовца, возглавляющего страшно коррумпированный земский союз, Алексеев поддался доводам Львова о потребности в аресте Царя. Психологически всё объяснимо.

На что ещё я обращаю внимание, а В.Ж. Цветков нет. Ещё год назад, в апреле 2013 г. в полемике по этому же самому вопросу с историком К.М. Александровым, я указал ему на общность между сведениями об отравлении Гучкова (у Лемке) и рассказом Гучкова Н.В. Савичу о мерах по ухудшению здоровья М.В. Алексеева лейб-хирургом Фёдоровым по приказу Царя. Более того, я указал, что источником этого рассказа Гучкова Савичу был Базили, как можно понять из текста дневника Савича, и из того, что именно Базили считал: Алексееву не просто растравляют болезнь, его вовсе травят [С.П. Мельгунов «На путях к дворцовому перевороту» М.: Айрис-пресс, 2007, с.140].

В.Ж. Цветков в «Генерале Алексееве», воспользовавшись дневником Савича, ограничился фактическим опровержением изложенных данных, никак не связав их с историей реального заговора. Перед тем К.М. Александров никак не смог опровергнуть моё утверждение, что подозрения Н.А. Базили с головой выдали его осведомлённость об участии Алексеева в заговоре. Именно боязнь раскрытия заговора, она одна, могла привести к подозрениям, что Император мог отравить Алексеева осенью 1916 г. – как в январе 1916 г. считался отравленным Гучков – по одинаковой причине.

В.Ж. Цветков должен был вместо слабосильной оговорки «якобы» сопоставить дневник Савича с Лемке, с интервью Милюкова об отравлении Алексеева из-за заговора (Государь прознал), с Мельгуновым и письмами Базили.

Разумеется, как ни был опасен для заговорщиков кружок Танеевой и Распутина, используемый Императрицей для всемерной защиты Монарха и благополучия Царства, на самом деле компания Распутина едва ли травила Гучкова и уж точно не травила Алексеева, т.к. он вывернулся от подозрений.

Итак, личность Н.А. Базили безоговорочно, лишней раз доказывает реальность участия Алексеева в опасном для Государя заговоре, таком заговоре, за который участник может лишиться жизни во внесудебном

порядке. Нервная встряска при участии в таком заговоре закономерно приводила к параноидальным подозрениям. Так у Сталина, когда он вполне сознал роль заговоров в устройстве всех революций, слегка поехала крыша на этой теме: он даже Керенского приказывал убить – и это после 1945 г., спустя столько лет – так бояться масона, пускай и подготовившего свержение Монархии – явное психическое отклонение.

Н.А. Базили, как все знают, составлял манифест об отречении. Раз он знал о заговоре с планом ареста Царя ещё осенью 1916 г., это была заранее уготовленная для Базили роль.

У Алексеева, насколько можно судить, был ещё один помощник, осведомлённый о заговоре: А.С. Лукомский, тоже, не иначе как с заранее заготовленной ролью. Это тоже следует доказать.

Перейдём к примерам в связи с непосредственным проведением заговорщического плана.

В Ставке узнали о начале беспорядков в Петрограде. В.Ж. Цветков приводит сведения о том, как Алексеев исправно отправлял воинские части на подавление восстания: *«таким образом, упрекать Алексеева за «преступное бездействие» в создавшейся ситуации не приходится»* (с.274). Ну да. В создавшейся.

Никаких массовых беспорядков в плане Алексеева-Львова не было. Арест, назначение новой власти. Всё. Поэтому первое время Алексеев считал нужным подавить восстание, опасное для России. Но, как покажут дальнейшие события, Алексеев одновременно опасался и за успех заговора, т.к. пожертвует Царём и Отечеством ради заговора. Поэтому Алексееву поначалу надо было подавить восстание в том числе и потому, что оно рушило планы заговора.

Заговор Мильнера сорвал все планы масонов и либеральной оппозиции. Когда все они плакались, что хотели обойтись дворцовым переворотом, всё так и есть. Но Мильнер стремился к сокрушению всей Империи, а не к простой смене власти, и он хотел использовать Алексеева по-своему, зная о его участии в заговоре.

То, что я сейчас написал, ни в малой степени не является вымыслом, поскольку я использую данные капитана Малейси: *«Франции нужно всемерно противиться расчленению России, к чему тайно стремится Англия ради своего доминирования»* (4 апреля 1917 г.). В.Ж. Цветков считает, что Малейси второстепенный агент, отрабатывающий деньги враньём, ведь *«о том, что произошло в России знали и без их донесений, хотя бы из прессы»*.

Как и всё, что пишет В.Ж. Цветков о заговоре, это полностью и безоговорочно, до абсурда неверно. Ирландский депутат Гиннел не отработывал никаких зарплат, когда 22 марта 1917 г. (н. ст.) заявлял на парламентских дебатах в Лондоне: *«наши лидеры... послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить эту революцию, которая уничтожила бы самодержавие в стране-союзнице»* [М.В. Назаров «Миссия русской эмиграции» М.: Родник, 1994, Т.1, с.81, 100].

Имя Мильнера прямо назвал и Малейси. Поскольку многотомные и мало кому интересные, малотиражные собрания парламентских речей, откуда взята эта фраза, публикуются значительно позже по завершении сессий, а в ежедневных газетах свирепая британская цензура не могла позволить опубликовать ничего подобного, то придётся признать абсолютную независимость данных об организации революции лордом Мильнером.

Мне не очень понятно, на основании чего В.Ж. Цветков решил, что капитан Малейси не есть первостепенный агент спецслужб. Неужто от того, что Малейси и его коллега генерал Ниссель оба крайне низкого мнения о качествах склонного к измене и обману личности М.В. Алексева? Нет, едва ли Василий Жанович поспешил знакомиться с полными текстами донесений и заниматься комплексной проверкой их на точность. Это была очередная бессмысленная и бестолковая отписка, не дающая ничего для понимания значения данного документа.

Французский капитан по своей воле в принципе не мог бы возводить столь страшные обвинения на своих союзников, называя определённые высокопоставленные имена. Мильнер был крупным министром в Британии. Только если это правда, причём несомненная, такая информация могла отправляться в Париж для А. Тома.

Куда безопасней и, для несведущих лиц, более правдоподобно, было бы свалить всё на немцев. Вот, например, А. Тома передавал в Петроград в июне 1917 г. о переводе крупных сумм *«группировке Ленина»* австрийцем Фюрстенбергом из Стокгольма [«Вопросы истории», 1998, №1, с.8].

Современные защитники Ленина на этом основании пишут, что всё дело о немецких деньгах сочинили французы и пишут толстые опровержения. Тут есть хоть какая-то логика: горячий компромат моментально был использован против большевиков в большой прессе. Какой же смысл имело фальсифицировать обвинение против Мильнера, своих союзников, а не против немцев. Смысл один: просто потому, что правительство Франции должно знать правду, стараться поддерживать Россию и быть осторожнее с такими союзниками, а то они и в Париже такое отчебучат.

Немецкие источники замыкают прочный круг доказательств устройства революции именно англичанами, а не кем-то ещё. Донесения Люциуса и Эрцбергера также преследовали исключительно осведомительные цели. В связи с чем Людендорф обладал точным знанием, когда уже в 1919 г. заявил в мемуарах об устройстве февральской революции Антантой.

И уж если нам подавай одних первостепенных персон, то В.Ж. Цветков как историк Белого Движения обязан бы знать, сколько соответствующих донесениям, которые Малейси отправил во Франции, заявлений в разные годы дал генерал Морис Жанен, высший представитель Франции в России (выше не сыскать). Он стал настоящей головной болью для англичан с их бесконечными заговорами. После стараний по свержению Императора Николая II, а потом и самого строптивого Керенского, в 1918 г. британцы распоясались всюду: то заговор против Ленина в Москве, то против Гришина-Алмазова в Сибири, то против Директории в Омске, то против Краснова на Дону. А Жанен всё твердил, то сравнивая привод англичанами к власти адмирала Колчака с Временным правительством, то комментируя выдачу адмирала Колчака: *«Повторяю, что с несчастным Его Величеством Николаем II было меньше церемоний»*.

В 1927 г. Жанен, точно повторяя часть данных Малейси о том, что революцию устроил Мильнер, и что французские агенты лично видели, как проходил подкуп солдат, не остановился на повторении Малейси и привёл дополнительные данные: солдатам за бунт раздавали по 20 рублей.

Удовлетворившись совпадением по роли Мильнера, давайте проверим, писал ли кто-нибудь ещё о плате англичанами солдатам за революцию по 20 руб. в лапу? Знаю одного: жил-служил вот такой генерал Краснов. И он первый весной 1921 г. рассказал о 20-ти рублях в письме в эмигрантский исторический журнал. Хотя всё теоретически-то возможно, но я сомневаюсь, чтобы Жанен перевернул горы русскоязычной литературы за 10 лет, для обнаружения единственного короткого свидетельства о 20-ти рублях, и поспешил выдать это откровение за своё. Нет, у них был один источник, а именно – реальная история февральского переворота.

Прибавив к этому обвинения Керенского в адрес Мильнера и всё прочее, что мне удалось собрать, заканчивая епископом Ладыгиным с записанным завещанием потомству помнить, что именно английские лорды бросили бомбы под Святую Русь, я считаю совершенно доказанной реальную роль виконта Альфреда Мильнера в разжигании февральских беспорядков с целью разрушения Российской Империи.

Единственное, что остаётся сделать, а это немало и трудно, выяснить, какова точно эта роль, коль уж роль есть.

До 23 февраля заговор Мильнера и заговор Некрасова как будто действовали в полном согласии, конфликтов не возникало. Британцы убили Распутина, то ли, дабы обезопасить воображение заговорщиков от новых отравлений, то ли реально опасаясь, что Распутин, со своими грандиозными неформальными связями, всё-таки докопается до участия Алексеева в заговоре, о чём моментально узнает Царица.

Джордж Бьюкенен был не так умён как Мильнер, обладал только теми полномочиями, какие ему давало правительство. Посол занимался подбадриванием планов масонского заговора по информационному штурму и дворцовому перевороту. Насколько известно Малейси, посол знал точную дату начала проведения переворота: *«Бьюкенен просил лидеров гучковско-миллюковской и т. д. группировки лишь потерпеть до приезда государя в Ставку, чтобы из-за удалённости у него фактически не оставалось времени вмешаться в нужный момент, пойдя на уступки, которые у него вырвали бы в случае настойчивого отказа»* (т.е. вырывать уступки в Ставке было частью запланированного заранее плана).

В чём ещё заключался план Мильнера.

Как уже установлено, наблюдаемый лично Малейси подкуп солдат как часть британского заговора подтверждается сторонними данными. Надежда на Ставку объясняется выясненными данными по заговору Львова-Алексеева. Это говорит о вероятной правдивости и следующей части: *«Лорд Мильнер во время пребывания в Петрограде, это вполне установленный факт, решительно подталкивал Гучкова к революции»*. Ни о чём таком Гучков, конечно, не рассказал потом, чтобы мы могли сравнить. Но после увольнения из Временного правительства после всех дел по разложению Армии Гучков присоединился к заговорам в пользу Корнилова, т.е. к Мильнеру против Керенского.

Ностораживает, что Малейси повторяет дезинформацию о связи Алексеева с Гучковым, а не с Львовым. Тут, в отличие от данных о событиях на улице, Малейси был не прямым свидетелем, а опосредованным передатчиком. Хотя его данные об участии Алексеева и Рузского в заговоре подтверждаются фактами, неизвестными Малейси, многие подробности о вовлечении Алексеева остались законспирированы.

Версия Малейси о роли Гучкова позволяет поставить вопрос о том, действительно ли Гучков планировал только дворцовый переворот, как он рассказывал в интервью Базили, или же, всё это время или только ближе к финалу, ввиду провала с военным заговором, он стал готовить именно уличный взрыв, как его надумил Мильнер или его представители ещё до приезда военного министра в Россию. Тут на помощь приходит генерал Нечволодов, согласно которому привоз рабочих из Ростова организовали

студенты, за которыми стоял Гучков. Можно также отметить арест рабочей группы гучковского ЦВПК 27 января за то, что они *«организовывали и подготавливали демонстративные выступления рабочей массы столицы»* 14 февраля к открытию Г. Думы. План *«организовать ряд массовых собраний по фабрикам и заводам столицы»*, после чего привести их *«ко входу в Таврический дворец»*, действительно напоминает будущие события. Тогда все говорили, что Гучков первый заслуживал ареста за этот план [А.А. Блок *«Последние дни Императорской власти»* М.: Прогресс-Плеяда, 2012, с.20-21, 24].

События 23 февраля, вызванные провокационной скупкой хлеба точно подстроены Мильнером и приурочены к возвращению Алексеева в Ставку, т.к. на это указывают слова Бьюкенена *«потерпеть до приезда государя в Ставку»* (Малейси).

Существует изумительно точное доказательство слов Малейси. В одном сохранившемся письме за 16 февраля 1917 г. некая Е.З. писала профессору А.Л. Погодину из Петрограда в Харьков: *«У нас сейчас расклеены на всех заборах объявления Градоначальника с убеждением рабочих не бастовать и с обещанием расстрела. Готовится второе 9-е января. По всему судя, резюмируя все слухи и факты – быть взрыву. Но к чему это всё приведёт? Чья возьмёт? Страшно подумать, у нас нет хлеба. Слава Богу, 14-е прошло спокойно, и, говорят, благодаря лорду Бьюкенену. Он имеет целую армию [!] агентов, которые поймали провокаторов среди рабочих, и они сознались, что подсланы “поднять народ” Протопоповым. А он всесилен, потому что на него сошёл дух Григория Распутина. Вот в какой фантастической действительности мы живём»* [В.С. Измозик *«К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г.»* // *«Россия и Первая мировая война»* СПб.: Дмитрий Буланин, 1999, с.169].

В силу своего незнакомства с историей подлинного заговора публикатор этого письма ровно ничего не понял в его смысле. Армия британских агентов показывает реальное могущество заговора Мильнера и его способность не только остановить, но и организовать революционный переворот, как утверждали Гиннел, Малейси, Жанен. Мы видим, насколько успешно происходит управление сознанием и поведением населения через его мифологизацию.

Спору нет, Протопопов не организовал никаких беспорядков – это бессмыслица. Но эта легенда страсть как нужна для прикрытия заговора Мильнера: и её англичане (!) активно внушали жителям столицы ещё до 23 февраля, а потом внедрили в историческую литературу первые авторы описаний революции, причастные к заговорам: Бубликов (1918) и Ломоносов (1919).

В чём же смысл предотвращения британскими агентами выступления рабочих 14 февраля. Дело в том, что его заранее готовила рабочая группа ЦВПК Гучкова. Они выполняли реально нужную Мильнеру обработку рабочих для создания готовности их к массовому выступлению. Причём Мильнер при этом оставался чист. Гучкова умудрились по второму разу использовать в качестве “полезного идиота”: не только для создания алиби Алексееву, но и дабы правительство уверилось, что оно разоблачило попытку Гучкова воспользоваться рабочим восстанием, разгромило главный источник опасности.

14 февраля не подходило для начала переворота, т.к. М.В. Алексеев и Царь оба ещё не вернулись в Ставку, где Монарх был бы нейтрализован начальником штаба. Зато ложная дата 14 февраля годилась для усыпления внимания правительства, а участие британцев в предотвращении провокации 14 февраля доказывало полную их лояльность правительству и снимало с них возможные подозрения. Однако 23 февраля могущественная «армия» агентов Мильнера запустила весь заготовленный план переворота.

Весьма компетентные лица в правительстве своевременно выяснили провокационную скупку хлеба 23 февраля: А.А. Риттих сделал исчерпывающий доклад в Г. Думе. Другие министры тоже были осведомлены. Министр Торговли и Промышленности: *«Со середины февраля агитация на заводах среди рабочих довела до того, что постепенно заводы Петроградского района один за другим начали бастовать, а возжаки стали усердно распространять слухи о недостатке хлеба для питания населения. У всех булочных и хлебопекарен образовались хвосты, закупали хлеб в прок и сразу опустошали хлебопекарни». «Этим воспользовались агитаторы, чтобы вывести толпу на улицу»* [В.Н. Шаховской «Так проходит земная слава» Париж, 1952, с.198].

Генерал Василий Гурко: агитаторы *«были подкуплены деньгами, происхождение которых по сию пору до конца не выяснено»*. Это удалось выяснить только собрав все имеющиеся данные по заговору Мильнера.

Историк М.Н. Покровский, который хорошо знал, что именно Антанта заранее выбрала Керенского для возглавления революции, не случайно продавил в СССР теорию двух заговоров. Но Покровский ошибался, принимая липовый предлог, под которым вербовали студентов на свержение властей, за подлинный, поэтому поверил в то, что сепаратный мир как заговор против революции действительно готовился, раз британский и масонский центры действовали под флагом борьбы с сепаратным миром.

Руководители британского заговора отлично знали, что только опора на студентов может дать им направление рабочих забастовок на восстание. Более мощных революционных сил, чем студенчество, в России не

существовало. Это они устраивали террористические акты, поднимали крестьян на восстания, толкали рабочих на забастовки, распространяли нелегальную литературу, провоцировали погромы обстрелом полиции и народа.

Натравить рабочих на власть удалось лишь к 26 февраля, на 4-й день от начала демонстраций. Это было сделано началом обстрела полиции из револьверов, бросанием бомб и гранат, отмеченных в показаниях Хабалова ЧСК. Спровоцировав стрельбу в ответ, организаторы диверсии добились разжигания народного гнева. Должно быть ясно, что рабочие не могли использовать для этого ни револьверы, ни гранаты. Не только по отсутствию таковых, но и по отсутствию смысла применить. Но у организаторов революции манипулятивно-провокационный замысел был.

Забастовки рабочих против владельцев предприятий по принципу не имеют характера стремления к уничтожению политического строя. Это точно отмечал и в частном случае военного Петрограда К.И. Глобачёв. Так и крестьянские нападения на владельцев поместий вовсе не есть революционное (т.е. политическое) движение, ввиду отсутствия политических целей и идей.

Британцы отлично знали это по опыту своей страны, где историки прекрасно формулировали: народные движения не являются революционными, а революционные – народными.

В России десятилетиями студенты составляли основной революционный актив, что вызвало отражённый в сборнике «Вехи» феномен педократии, когда вся взрослая интеллигенция преклонялась и была в услужении у интеллектуально неразвитого, нравственно ущербного, неопытного и самоуверенного типа учащихся, которые, не занимаясь серьёзно наукой, не создавая семьи, требующие полноты внимания и любви, презируя карьеру, т.е. поэтапное служение настоящему делу, – только такие “учащиеся”, ухватившие примитивные формулы отрицания идеи Царства и Церкви, считающие одних себя прикосновенными, в силу своего формального нахождения в “храмах” науки, к “жрецам” истины, только такой тип учащихся мог стать горючим материалом для революции, от которой отходили, взрослея и как-то устраиваясь в настоящей жизни. Вот почему заговор Мильнера мог использовать только студентов для уничтожения России.

Крайне опасна была и остаётся для государства так называемая “интеллектуальная элита”, которой легко можно манипулировать, обещая высокую социальную роль, каков, например, февральский предлог спасения от правительства, состоящего из изменников. Пример демонстрирует в наши дни философ О.А. Митрошенков: *«опрос студентов в вузе – 9 из 10 готовы*

уже сегодня стать президентом или на худой конец министром». Внесение такой “элитой” фанатической борьбы за разнородные идеи «стало одной из причин гражданской войны» [«Вехи”: философский спор о путях развития России» М.: РАГС, 2010, с.45].

23-26 февраля масоны и мечтатели о дворцовом перевороте оказались в сильном замешательстве и расстройстве. Но дабы совсем не упустить свои шансы, они начали заготовленный точечный захват правительственных учреждений с помощью групп студентов и отдельных воинских частей.

По сути, Алексеев готовил подавление восстания в Петрограде, только пока считал его просто вредным бунтом. Но когда удался масонский заговор Некрасова, Керенского, Чхеидзе по превращению Г. Думы в центр, который заменит правительство и создаст новую власть, когда Алексеев увидел, что воспользовавшись разрушением правительственных сил, либеральная оппозиция, которую он желал видеть у власти, взяла её, Алексеев понял, что надо переходить на сторону заговора. Однако Алексееву не удалось выполнить свою часть задания. Он должен был, как мы знаем из всех признаний, арестовать Царя.

Алексееву это не удалось, но это не значит, что он не пытался. В Ставке при многолюдной свите Алексеев не мог бы арестовывать откровенно, ему элементарно не хватало решительности и, вероятно, числа явных сообщников, а также – убедительных оправданий для ареста. Но смысл ареста заключается в устранении действий, способных помешать заговору.

Поэтому все усилия, которые прилагал Алексеев, сводились к тому, чтобы убедить Государя назначить во главе правительства своего кумира Г.Е. Львова (товарища по заговору) и непременно оставаться в Ставке. Легальный захват Львовым правительственного аппарата сильно облегчил бы заговору процесс дальнейшего устранения Императора. Преследуя ту же цель, Мильнер советовал Императору назначить Львова ещё в начале февраля, надеясь на переворот силами Львова во главе правительства и Алексеева в Ставке. Но Император оборвал эти надежды.

В связи с отъездом Императора из Ставки интересен один момент, касающийся осведомлённости А.С. Лукомского о заговоре. В.Ж. Цветков увильнул от него следующим образом: *«Лукомский считал важным для Государя встать во главе Особой армии, с которой наступать на Петроград»* (с.278) и даже привёл слова руководителя (!) *«действий восставших»* А.Г. Шляпникова: *«Не знаем, что помешало царю последовать совету генерала Лукомского»* (с.279). Доверие к большевицким самозванцам, оказывающимся какими-то руководителями, у Цветкова беспредельно. Но не только у него, это целая традиция подтасовок, прослеживаемая у Борелей,

Сергеевского и всей фальсификационной компании, сгрудившейся вокруг имени М.В. Алексеева.

Лукомский написал: *«Выход, конечно, был. Это немедленный [!] отъезд Государя в район [!] особой армии»* [А.С. Лукомский «Воспоминания» Т.1, Берлин, 1922, с.134].

Разумеется, никто из всей фальсификационной традиции не стремился приводить подлинные слова Лукомского. Ибо из этих фраз и всего соседнего обрамления следует, что Лукомский и не думал советовать такого Государю, реальность сделанного совета – плод воображения биографов, которые уверены, будто Алексеев и Лукомский только и делали, что заботились о Государе и Монархии.

Не то что не было совета, не выражено даже предположение в связи с возглавлением армии, как пишет В.Ж. Цветков. Отвлечённо написано о спасительности быстрого, мгновенного отъезда не то что для возглавления армии, а даже просто в район армии Гурко.

Лукомский признаёт спасительным всё обратное тому, что советовал Алексеев в Ставке. В связи с точно установленным знанием о заговоре Алексеева-Львова и о исключительной верности Василия Гурко, становится понятным, что Лукомский, который сделал эту оговорку, о заговоре знал. Есть масса свидетельств, что конституционные убеждения Лукомского соответствовали нужному для вовлечения в заговор. И в подтверждение убеждений есть конкретные действия, доказывающие, что Алексеев, Лукомский и Базили сознательно преследовали общую цель устранения Монарха, будучи участниками заговора.

Задача Алексеева заключалась в аресте Императора. Но поскольку Царь отверг все уговоры остаться и уехал, это создавало опасность попадания в районы (!), не контролируемые заговорщиками. В этом смысл фразы Лукомского в свете данных о заговоре.

Но едва ли роль Алексеева ограничивалась только арестом. Для этого не обязателен был бы именно Алексеев. Заговорщики, несомненно, желали использовать в своих целях его служебное положение.

Как общее правило, *«заговорщикам непосредственно противостоят органы государственной безопасности и внутренних дел, а потенциально также вооружённые силы государства. Поэтому им жизненно важно иметь в структурах государственной власти своих людей»* [М.Н. Петров «Механизмы государственных переворотов. Историко-теоретическое исследование» М.: АСТ, 2005, с.65].

В этом смысл вербовки Алексеева. Им надо было обеспечить успех заговора, нейтрализовав вооружённые силы, пользуясь Алексеевым.

Правительство было главной опорой трона. Либеральная оппозиция лишилась всех своих сторонников среди министров и не могла рассчитывать ни на кого из них, как на Алексеева, Рузского и Брусилова.

В.Ж. Цветков не использует широко известные данные о заговоре, которые объясняют, почему первоначальные действия Алексеева к подавлению восстания не могут служить опровержением заговорщической деятельности в Ставке.

В дневнике Великого Князя Николая Михайловича за 27 апреля 1917 г. записано, что поход Иванова был допущен для инсценировки – *«Алексеевым, чтобы усыпить возможное беспокойство Императора»*. Для оценки степени достоверности этой записи надо знать, что Керенский подтверждал Р.Б. Гулю, что так раз в это время они с Великим Князем тесно общались тайно по вечерам, по-масонски. Об этом всем рассказывала и жена последнего Императорского министра юстиции Добровольского, чей дом занял Керенский, из-за чего она и стала свидетелем посещений Николая Михайловича. Итак, он был достаточно близок к настоящему заговору.

Смущать может одно: очередное объединение имени Алексеева с Гучковым. Но возникновение версии о том, что они всё-таки поддерживали конспиративную связь или же версии об ошибочности записи надо будет отклонить, сопоставив её с особенностями признательных заявлений об участии Г.Е. Львова в заговоре. Поскольку Львов тогда был председателем правительства, а Николай Михайлович всегда был страшно болтлив, раскрытие решающей роли в заговоре Львова для масонского центра оставалось нежелательным. Керенский, Милюков и Гальперн назовут его имя только, когда тело Г.Е. Львова будет предано погребению, до того объяснение заговорщических действий через распространённую легенду о Гучкове считалось более уместным.

Алексеев стал сворачивать подавление восстания, когда понял, что либеральная оппозиция воспользовалась им и захватила власть. Только тогда Алексеев открыто перешёл на сторону заговора.

Император Николай II покинул Ставку, проигнорировав сделанные, как пишет В.Ж. Цветков, ссылаясь на Пронина, на коленях, просьбы об ответственном министерстве и назначении Г.Е. Львова. Предположение о том, будто ответственное министерство способно умиротворить тыл, могло подействовать только на людей с короткой памятью, которые забыли про совершенно вздорные предположения, будто достаточно объявить о полноценном парламенте, и все беспорядки прекратятся. Манифест 17

октября 1905 г., вырванный под этим предлогом у Царя, вызвал массовую вспышку насилия по всей стране. Государь отлично понимал всю опасность повторения смуты. Но такие люди как А. Мильнер, М. Алексеев, Г. Львов, добивались этой смуты, первый сознательно, второй и третий не понимая этого из политического самоослепления, толкнувшего их на путь заговора.

Т.е. Алексеев и когда отдавал приказы о посылке войск к Петрограду, не переставал заботиться о достижении целей заговора. Другой целью была изоляция Государя – она тоже не удалась и, к лёгкой панике заговорщиков в Петрограде и Ставке, поезд Царя вышел из зоны влияния заговора в районы, недоступные для контроля.

Алексеев во время поездки Императора до последнего будет уговаривать вернуться в Ставку. В Петрограде решили, что нужно заблокировать поезд в пути и вынудить отречение на любой малолюдной станции. Погоню за поездом устроили Некрасов, Бубликов, Ломоносов, захватившие министерство Путей Сообщения.

Обманным путём им удалось не пустить поезда до Царского Села, в результате чего Император решил добраться дотуда через Псков. Решение приехать в Псков было принято сознательно и не являлось результатом какого-то заговора, т.к. Псков для подавления восстания был очень удобным местом в глазах Монарха. Недаром в тот же Псков бросится А.Ф. Керенский 25 октября 1917 г. Причём Император планировал там отдать новые распоряжения о действиях против мятежа, а выполнять их обязаны были генералы до последнего самостоятельно, не нуждаясь в дальнейших поэтапных инструкциях. Сам же Государь собирался пробыть до Царского Села, дабы исключить возможность попадания в заложники Царской Семьи, но именно это произошло, когда в Пскове Н.В. Рuzский изолировал Монарха, не выполняя его распоряжения о подавлении мятежа.

Независимо от того, считали Алексеев и Рuzский выполнимой задачей или невыполнимой, повеление Императора было однозначным и следовало все умственные усилия приложить в область наиболее эффективного исполнения Высочайших приказаний, которые одни могли спасти Россию и Армию.

Однако Алексеев 28 февраля между телеграммами №1813 и 1833 получил из столицы сведения, которые убедили его сделать полный поворот в своих распоряжениях. Это была телеграмма Бубликова, подписанная им и Родзянкой.

В.Ж. Цветков, верный своему правилу игнорировать все данные об измене М.В. Алексеева, не приводит телеграмму №1833 о признании Бубликова министром и комитета Г. Думы правительством в то время, когда ВКГД и не

думал объявлять себя правительством, а Бубликов никогда и не стал министром.

Телеграмма №1833 есть документ об измене М.В. Алексеева, поскольку любая революция это создание нового правительства, не назначенного существующей Верховной властью. Следовательно, признание кого бы то ни было правительством вопреки воле Монарха, да ещё в телеграмме Иванову, облечённому законными правительственными полномочиями, это безоговорочная измена.

Почему М.В. Алексеев осмелился на неё пойти, могут рассказать два соучастника заговора: Н.А. Базили и А.С. Лукомский.

«Делегат в Г. Думе от железных дорог А.А. Бубликов, умеренный человек, которого я хорошо знал, разослал горячий призыв к патриотическим чувствам железнодорожников с просьбой сделать всё возможное, чтобы восстановить нормальную работу железных дорог Ситуация, казалось, приняла новый поворот. Генерал Алексеев пришёл к выводу, что он должен немедленно приспособить свои действия соответственно этому» [N. Basily «Diplomat of Imperial Russia. 1903-1917» Stanford, 1973, p.112].

Лучше и не скажешь. Алексеев решился на явную измену именно после телеграммы Бубликова с такими словами: *«Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной»*. Безусловно, то, что соучастник заговора Николай Базили хорошо (!) знал Бубликова, оказало определённое влияние на радикальный поворот М.В. Алексеева к прекращению подавления мятежа. Базили мог отрекомендовать Бубликова как человека, идеально подходящего для целей заговора и новой власти Г. Думы.

Перед тем А.А. Бубликов 27 января сделал заявление об аресте рабочей группы ЦВПК в Бюджетной комиссии Г. Думы, которая не должна была заниматься подобными вопросами. Также Бубликов за годы войны был хорошо известен как сторонник смены правительства, подчинённого Императору, на правительство, подчинённое Г. Думе, к чему стремились Алексеев и Львов.

Т.е. поворот Алексеева был связан не с неспособностью войск подавить мятеж, что будто бы выяснилось *«окончательно»* в более позднее время *«днём 1 марта»*, как написано в «Генерале Алексееве» Василия Цветкова (с.279). Поворот связан именно с личностью Бубликова и содержанием телеграммы о комитете Г. Думы 28 февраля, в результате чего М.В. Алексеев первым, самостоятельно решил объявить ВКГД правительством.

Соответственно этому отправку войск следовало постепенно свернуть, уговаривая Иванова признать новое правительство. Т.е., если бы какие-то

войска дошли до Иванова, ему внушали поддержать с их помощью новую власть, т.е. играть в пользу заговора Львова-Алексеева.

На участие А.С. Лукомского в заговоре указывает следующий факт. Публикуя в Т.3 «Архива русской революции» в 1922 г. документы к своим воспоминаниям, Лукомский сделал характерные исключения. Он изъясил из публикации телеграммы за ночь на 2 марта: №1868 (собственную), №6106 Данилова и №1220 о задержке войск, отправленных на подавление мятежа. Это единственное, что объединяет все те телеграммы, которые не стал размещать Лукомский.

Потребовалось повторное издание документов из того же самого архива, каким пользовался Лукомский, Вильчковским в «Русской летописи», Кн.3, тоже за 1922 г., чтобы выяснилось сокрытие телеграмм. Вильчковский, который ничего не знал о заговоре, не видел причин, чтобы их скрывать.

Интересно, что воспоминания А.Д. Голицына (изд. 2008 г.) указывают, что на Юго-Западном фронте 4-й гвардейский стрелковый полк, предположительно способный раздавить мятеж, тронувшись с места, был моментально возвращён назад примерно 28 февраля – как говорил сын князя, там служивший. Эта датировка совпадает с тем решительным поворотом, который сделал М.В. Алексеев, переориентировавшись на защиту революционного правительства.

Даже если А.Д. Голицын и его сын заблуждаются, всё равно частично продолжавшаяся вплоть до ночи 2 марта отправка войск также переориентировалась распоряжениями Ставки не на подавление мятежа, а на поддержку революционного правительства.

В конечном итоге Императору никто не показывал телеграммы №1833, ни раскрывал ему историю заговора Алексеева и Львова. Ссылаться на доверие Императора к Алексееву значит показывать причину, по которой Алексееву позволили вернуться в Ставку.

Не менее показательна переписка А.С. Лукомского с А.И. Деникиным из фондов ГАРФ, которую использует Василий Цветков: *«Начавшиеся в Петрограде события должны были его побудить, определённо заставить [!] Государя с места дать ответственное министерство и затем принять решительные меры для подавления “Петроградского действия”. И он это сделать не мог, но... что ему помешало?»* (А.С. Лукомский про Алексеева) [В.Ж. Цветков «Генерал Алексеев» М.: Вече, 2014, с.286].

Частица «не» при публикации текста письма в таком виде превращает его в бессмыслицу, выясняемую выдержкой из ответа Деникина: *«Вы упрекаете Алексеева за то, что он якобы мог сделать»*. Деникин доказывает, что заставить, т.е. запугать, арестовать, принудить к смене формы правления

Алексеев не мог лишь «*по слабости характера*» (а не по отсутствию желания).

Но нужно ли мне ехать в ГАРФ, чтобы прояснить смысл публикации В.Ж. Цветкова? Кажется, для этого нет причин, т.к. эту же самую переписку в 1992 г. первым использовал Генрих Иоффе.

Советский историк, годами специализировавшийся на клевете по адресу монархистов и Царской Семьи, в этой книге чуть подкрасился под демократические времена. И вот как отражён интересующий нас момент: «*Лукомский критически высказался об Алексееве, который якобы мог тогда «подавить петроградское действие», но не сделал этого, «будучи прирождённым соглашателем»*» [Г.З. Иоффе «Революция и судьба Романовых» М.: Республика, 1992, с.51].

Сравнив с тем, что опубликовал В.Ж. Цветков, получим такой текст, в котором не будет ни противоречий, ни тенденциозных изъятий: Алексеев мог подавить петроградское действие, но был прирождённым соглашателем. Лукомский знал о том, что Алексеев с 28 февраля даже не пытался подавить восстание из-за участия в заговоре с Львовым. На арест Царя и пытки ответственного министерства Алексеев действительно не был способен, кстати, и тут проявилось то соглашательство, бывшее не по вкусу Лукомскому: Царя не арестовал в его присутствии, восстания не подавил в отсутствие его направляющей руки, соглашательски переориентировавшись на победу революции под влиянием Бубликова.

Я считаю, что нет смысла идти работать в архивах для занятия искажениями точного смысла уже опубликованных текстов сокрытием самых важных его частей – о соглашательстве.

Научная этика должна была бы побудить В.Ж. Цветкова указать на первую публикацию и, ежели в ней есть текстуальные разночтения с подлинником, указать на них. Однако то, в каком виде помещает отрывок из письма В.Ж. Цветков, вполне убеждает, что Генрих Иоффе, если не добуквенно воспроизвёл текст, то во всяком случае точно передал смысл, а Василий Цветков сократил и исказил.

Признаться, меня огорчает, что несомненно выдающиеся современные историки, лишь бы только сделать невозможное возможным, вынуждены так препарировать имеющийся у них материал, в результате чего даже советские историки сомнительной репутации выглядят более презентабельно.

Мне кажется, куда непростительнее игнорировать труды других историков, чем не заниматься в архивах. Нет уж, лучше я пока и дальше буду заниматься с книжками. Не знаю точно, что даст мне поездка в Москву, но многолетняя непрерывная работа с самыми разнообразными изданиями, в т.ч. с

игнорируемыми всеми, кто когда-либо писал истории февральского переворота и масонского заговора, мне кажется, уже чего-то да стоит.

Заблаговременно, ещё до выхода книги «Генерал Алексеев» я из самых лучших побуждений пытался обратить внимание В.Ж. Цветкова на то, что он видит заговор там, где его не было, и спорит там, где нет серьёзных оппонентов, за исключением каких-нибудь любителей ссылаться на Берберову или Кобылина. Кобылин с Берберовой страшно устарели с 70-х и 80-х, ссылаться на них теперь нет ни одной причины, и направлять на них полемический пыл – тоже. К сожалению, мне не удалось убедить В.Ж. Цветкова взглянуть на то, каким был настоящий масонский заговор, что далеко не лучшим образом сказалось на его книге «Генерал Алексеев», весьма достойной в рассмотрении других биографических тем.

Часто указывают на какое-то раскаяние М.В. Алексеева. Действительно, в июне 1917 г. он отправил письмо о тёмных силах, которые безответственно правят Россией и которые нашли нужным от него избавиться. Конечно, Алексеев должен был испытывать сильнейшую обиду на Г.Е. Львова, который вовлёк его в заговор, использовал для захвата власти, а теперь выкинул вон.

Но самое выразительное признание о своей ответственности за революцию и гражданскую войну сделал Георгий Львов: философ Степун утверждал, что Львов *«до самого своего конца во всём винил главным образом себя. «Ведь это я сделал революцию, я убил царя и всех... всё я» - говорил он в Париже другу своего детства Екатерине Михайловне Лопатиной-Ельцовой»* [Ф.А. Степун «Бывшее и несбывшееся» СПб.: Алетейя, 2000, с.330].

Историки, которые не знают, что именно Г.Е. Львов вовлёк М.В. Алексеева в заговор, никогда не поймут, как этот безобидный толстовец мог устроить революцию и убить Царя. А он это сделал.

Апрель 2014 г.

Красноярск.

<http://stzverev.ucoz.ru/>